

десятилетия постепенному «духовному завоеванию» России французскими «философами», завоеванию вначале медленному, вкрадчивому, мирному и хорошо принятому двором, который вскоре стал направлять это влияние в интересах славы самой императрицы.

Но, когда наступило беспокойное время и беспорядки начались внутри страны, Екатерина II решает взять в свои руки управление этим «философским проникновением», которое она поощряла исключительно для наружного употребления и всячески душила внутри страны. Молодой Пушкин беспощадно разоблачит эту ее двойную игру в своих «Заметках по русской истории XVIII века», писанных в Кишиневе в 1822 г., где он заклеит «добродетели Тартюфа в юлке и в короне».²

Когда во Франции, вдалеке от русских границ, начались волнения, захватившие Европу, Екатерина сбрасывает маску и отныне имеет дело с «философами» только для того, чтобы их посадить, если они оказываются русскими.³

За исключением некоторых проявлений непоследовательности, вызванных скорее духом противоречия, нежели либерализма, в царствование «Калигулы» (1796—1801) положение только ухудшалось и, в конце концов, привело к вооруженному крестовому походу против Наполеона. Розовая лента «друзей» Александра I открыла новую эру либерализма — официального, однако ненадежного, во время которого царственный чудотворец был раздираем противоречиями: с одной стороны, либеральные идеи, унаследованные от бабки, воспринятые от Лагарпа и молодых друзей-«якобинцев», с другой — необходимость «вознаградить» убийц отца, требовательных кредиторов. Его нерешительность, подозрительность, двуличие, особенно опасные у абсолютного монарха, который постоянно вынужден принимать решения во время войны, сам не зная в точности, чего хочет, довольно скоро создали тупик, период некоей анархии, порою благоприятный для выражения крайних, противоречивых влияний, игра которых была опасна для тех, кто доверял государю: символический пример тому — Радищев. Доверчивый революционер, убежденный, что молодой царь его одобряет, вдруг, когда сенатор Завадовский перебивает его во время заседания законодательной комиссии, решает, что ему снова угрожает Сибирь и, по словам мемуариста Н. С. Ильинского, предпочитает выпить стакан азотной кислоты.⁴

Когда в 1811 г. Лицей, наконец, был открыт, либеральный образ мыслей царствовал среди молодых дворян-лицейстов и не-

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 17. См. также работу: A. Lortholary. Le mirage russe en France au XVIII-ème siècle. Paris—Boivin, 1951.

³ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 16.

⁴ «Русский архив», 1879, кн. III, стр. 416.